

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Успенский

Грушка

«Public Domain»

1871

Успенский Н. В.

Грушка / Н. В. Успенский — «Public Domain», 1871

ISBN 978-5-457-34149-4

«Жив еще старичок-то – мой тятенька... ни единого волоска на голове, а тоже иное время пустится в присядку! чуден родитель!.. Когда же захмеляет, то всегда запевает: „Ай ты, молодость... буйная!“ разинет рот, а там ни одного зуба нет...»

ISBN 978-5-457-34149-4

© Успенский Н. В., 1871

© Public Domain, 1871

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Николай Васильевич Успенский

Грушка

Жив еще старичок-то – мой тятенька... ни единого волоска на голове, а тоже иное время пустится в присядку! чуден родитель!.. Когда же захмеляет, то всегда запекает: «Ай ты, молодость... буйная!» разинет рот, а там ни одного зуба нет!

– Потап Егорыч! а вы знавали Ипполита Иваныча?

– Нет-с. А что?

– Ничего. У него все, знаете, пословица: болван!

– Г-мм...

– Потап Егорыч!

– Чего-с?

– А я, значит, вот что: мне теперича хотелось то есть знать от вас: почему вы не женились?

– Да я, Сидор Семеныч, уже был женат. Разве в другой раз?..

– Ну в другой.

– И то ведь думаю посвататься; но боюсь, Сидор Семеныч: моему-то тятеньке до меня дела нет; я кажинную материю должен сам сообразить. Жениться, говорит пословица, не напасть, да чтоб женившись – не пропасть...

– Я понимаю. Но поискать девку-то можно.

– Обвенчался я, Сидор Семеныч, с одной купеческой дочерью, – истинно закаялся; подхватил, можно сказать, такую скотину, – сам не рад... Грушкой дразнили...

– Что ж так?

– Так-с...

– А как вы, Потап Егорыч, мыслите насчет супружества?

– Я так мыслю, что жена должна быть супружницей своему мужу... одно слово жена... она обязана чувствовать все, понимать всякие мужнины добродетели; так как чрез эвто самое может произойти глупость...

– Справедливо. Я знавал некоего купца, так он свою жену в гроб вогнал.

– Известно; мы знаем доподлинно, что жену во гроб вогнать – ничего не стоит, потому что жена для своего мужа – все равно – плюнуть да растереть...

– Вот! я сейчас тоже доказать хотел. А ваша жена плоха была?

– Так плоха, Сидор Семеныч, что прямо одёр была супруга... и первое дело – обманщица... Значит, не судьба моя! хорошо, что убралась она, царство ей небесное!..

– Позвольте, Потап Егорыч, табачку понюхать... Вы мне опишите поподробней... Готово!..

– Я с ней познакомился еще очень далеко до свадьбы. В ту пору я был приказчиком, сидельцем.

– Да, да, приказчиком.

– Вот и да! Однава гулял я летним вечером... Сначала-то, Сидор Семеныч, пойдет весело... ничего... занятная история. Ну, и гулял. Вот эвтак в одной руке держу тросточку, а в другой пеньковые перчатки и помахиваю ими на все четыре стороны. Стало темнеть. Я начал теперь размышлять: «Не пора ли, дескать, домой?» Думаю: «Пора!» – и пошел. Смотрю – на тротуаре идут две девушки: одна то есть горничная, а другая самая моя супружница, примерно, покуда девушка Аграфена. Хорошо; глаза у ней черные, брови черные... «Сем, говорю, подлабынюсь, попытаю счастье...» В случае, какова ни мера, можно тягу дать. Захожу сбоку и веду речь...

– Позвольте, Потап Егорыч, к кому это вы подходите?

– Да то-то к Грушке: купца Мурашкина дочь.

– Ну?

– И говорю: «Куда, сударыня, гуляете?» Она отвечает: «А вам на что, мон шер?»¹.

– Нам, значит, особенной важности мало... осведомиться желательно – не больше того.

– В эвот раз иду, – говорит, – с гулянья.

– А нельзя ли полюбопытствовать, как ваше имечко?

– Аграфена Власьевна Мурашкина.

– Так-с. Что же вы, Аграфена Власьевна Мурашкина, стало быть, теперича домой отправляетесь?

– Домой, – говорит.

– Ну, а ежели внезапно смеркнется?... Не опасно одним вам, примерно, идти?

– Нисколько: наш дом-то вот он!

– Где?

– Вот он.

– Гм... так, следовательно, до свиданья!

– Прощайте-с... А как вас зовут, мусьё? – спрашивает она.

– Меня, стало быть, зовут Потап Егорыч Свинын.

Комедь эвта тем и кончилась. Одначе я дела не бросил. Зачал я с того времени прогуливаться у ее дома, все, знаете, по вечерам. Попробовать не мешает. Дом у них каменный; мезонин слишком здоровый выведен. Разгуливаю себе. Она сидит у окошечка, вяжет чулок али колбаёт^{1} что, – сама, понимаете, романсы поет. И пела она, скажу вам, Сидор Семеныч, ладно; пела, как бы доказать – чисто певчая какая... голос манерный и такой, что, к примеру, нашей мещанке тягаться далеко, куда! Грудью она не брала, а, значит, визгом больше... одно слово – важно!

Прохожу раз, Сидор Семеныч, мимо окошечка, в другой прохожу, говорю: «Дай поклонюсь, сделаю почтение». В третий иду, сымаю шляпу: «Вот, мол, вам... изволите, видеть?...» Она увидала, себе кланяется. Я усмехнулся – она ничего, только глаза под лоб подкатила. Тут я смекнул, что надо работать дальше...

На другой день иду опять. Гляжу – сверху из окна вылетает записочка, порхает по воздуху. Мигом схватил я ее, бегу в ресторацию, потребовал пару чаю и читаю. Пишет, стало быть: «Душанчик... ангел мой (девка горячая была). Ежели бы вы знали, как теперича у меня стремление к вам... от души всего сердца пылаю к вам девушка Аграфена... Сладострастию же моему, говорит, не имею границ – ибо свидание наше в Гречихином переулке должно беспрерывно быть завтра в 9 часов ночи: всячески ожидаю вашего согласия...»

Формально, Сидор Семеныч, свидания я желал. Ведь девчонка она была добротная, румянец во всю щеку. Карахтером ажно ль^{2} дрянь вышла. Наране, как следует, я приоделся, подвязал желтый шелковый платок под шею, запер лавку и отправился в Гречихин переулок. Прихожу; она там, с девкой стоит. Скидаваю шляпу.

¹ Мой милый? (от фр. *mon cher*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.